

реакционной науки о превосходстве турок-османов, о положительном воздействии турецкого господства на судьбу балканских народов. Их значение также и в том, что многие из них глубоко освещают ряд не разрешенных до сих пор проблем византиноведения, османистики и историографии Юго-Восточной Европы вообще.

Правда, бóльшая часть публикаций посвящена вопросам политической истории. Мало работ, которые освещали бы общественно-экономическое устройство Византии и балканских стран накануне их завоевания турками. Совсем ограниченное место уделено другому, не менее важному моменту — развитию османского общества перед турецкой экспансией на Балканы и переменам, которые в нем наступили под влиянием более передовых общественно-политических отношений и институтов завоеванных стран. Разработка этих вопросов способствовала бы не только всестороннему освещению причин гибели Византии и балканских стран в XIV—XV вв., но и выяснению особенностей турецкой феодальной системы, во многих отношениях испытавшей влияние феодализма балканских государств*.

Бистра А. Цветкова

(Перевод с болгарского Т. Я. Елисеевой)

«ИСТОРИЯ И ВОСХВАЛЕНИЕ ВЕНЦЕНОСЦЕВ»

**Грузинский текст перевел, предисловием и примечаниями снабдил
действ. член АН ГрузССР проф. К. С. Кекелидзе.**

Изд-во Академии наук ГрузССР. Тбилиси, 1954, 110 стр.

Рецензируемая книга представляет собой перевод на русский язык грузинского памятника, повествующего о событиях царствования Георгия III (1156—1184) и Тамары (1184—1213). Текст этот был открыт в конце прошлого века в рукописи, датированной 1638—1646 гг., и впервые издан в 1906 г. проф. Е. С. Такайшвили. Критическое его издание было осуществлено проф. К. С. Кекелидзе в 1941 г. Произведение рисует один из наиболее интересных периодов грузинской истории; это — годы политического и культурного подъема Грузии времен развитого феодализма, подъема, давшего плеяду замечательных деятелей культуры во главе с Руставели и по справедливости названного «грузинским ренессансом»¹. Переводчик «Истории» проф. К. С. Кекелидзе — ученый, хорошо известный своими исследованиями по древнегрузинской литературе и много занимавшийся настоящим памятником.

Не будучи компетентными судить здесь о точности перевода и вполне полагаясь на авторитетное свидетельство самого переводчика, стремившегося «дать прежде всего точный, понятный и лишь потом, по мере возможности, дословный перевод» (введение, стр. 13), мы вместе с тем хотели бы сделать несколько замечаний относительно публикации проф. К. С. Кекелидзе.

* За рамками нашего обзора остался ряд статей по более позднему периоду: Г. И. Ибрагимов. Крестьянские восстания в Турции в XV—XVI вв. ВВ, VII, 1953, стр. 122—145; J. Kabrda. Les problèmes de l'histoire de la Bulgarie à l'époque de la domination turque. BS, XV/2, 1954, p. 173—208; J. Reychmann. Z nowszych badań nad dziejami stosunków agrarnych na Bliskim Wschodzie. Rocznik Orientalistyczny, XIX, 1954, p. 193—201.

¹ См. исследование Ш. Нуцубидзе. „Руставели и восточный Ренессанс“. Тбилиси, 1947.

Введение (стр. 5—14), составленное на основе предшествующих работ исследователя², дает сжатый историко-литературный анализ памятника, созданного, по его мнению, «в конце царствования Георгия IV Лаши (сына Тамары), около 1222 г.» (стр. 6). Анонимный автор «Истории» выступает как ревностный сторонник политики Тамары, его политический идеал — неограниченная монархия (многочашие «сопряжено с завистью и неустойчивостью»), построенная, однако, не на «страхе и ужасе», а на «миролюбии». Явно идеализируя царствование Тамары, он пишет, что в годы ее правления азнауры (свободные) сделались вельможами, вельможи — властителями, а земледельцы стали азнаурами (стр. 38). Образ Тамары рисуется в тоне безудержных славословий — это своего рода параллель к поэтическим панегирикам того времени «Абдул-Мессии» Шавтели и «Тамариани» Чахрухадзе. Перед нами в полном смысле слова «восхваление венценосцев»³.

При всей своей тенденциозности «критически установленный текст произведения, — как показывает проф. К. С. Кекелидзе, — разрешает много путанных, неясных вопросов в истории царствования Георгия III и дочери его Тамары» (стр. 13). Это вместе с тем — интересный источник не только по внутренней истории Грузии. Здесь уделено внимание грузино-русским отношениям того времени и, в частности, браку Тамары с сыном Андрея Боголюбского Георгием. «История» содержит ряд свидетельств и о грузино-византийских отношениях. Автор сообщает о приезде к Георгию III Андроника Комнина с семьей (гл. VIII), о дружеских отношениях между Георгием III и византийским императором Мануилом I (гл. XI), о любви сына Мануила I Поликарпа к Тамаре (гл. XXII). Интересно описание религиозного спора между грузинами и армянами (гл. XXXIX—XL), которое, по мнению К. С. Кекелидзе, является вставкой какого-то церковника, сделанной вскоре после появления памятника (стр. 6).

Вслед за рассмотрением социально-политических и философских воззрений автора «Истории» переводчик дает удачную характеристику литературных особенностей памятника, свидетельствующего о том, как грузинская культура этих лет «активно и творчески воспринимала элементы передовой культуры своих западных, христианских, и восточных, мусульманских, соседей» (стр. 9). «История» пестрит библейскими, античными, персидскими, арабскими реминисценциями. Автор ее хорошо знаком с Библией и Гомером, Фирдоуси и Плутархом, Иосифом Флавием и Георгием Амартолом. В многочисленных сравнениях мы встретим здесь имена Самсона, Голафа, Ахилла, Артемиды, Александра Македонского, Августа, Зороастра, Рустема и т. д. Во введении дается и краткая характеристика языка памятника.

Перевод (стр. 15—99) в целом выполнен удобочитаемым, хотя местами и чрезмерно архаичным языком. Переводчик, впрочем, сознательно стремился к этому, пытаясь передать таким образом «древность языка произведения и церковно-библейский налет стиля» (стр. 13—14). Большую работу проделал К. С. Кекелидзе по передаче социально-политических и административных терминов, далеко не всегда имеющих соответствие в русском языке. К сожалению, в принципах передачи некоторых таких терми-

² См. К. С. Кекелидзе. «История и восхваление венценосцев», как литературный источник. Руставелевский сборник. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.), а также упомянутое критическое издание «Истории» (Тбилиси, 1941).

³ Заметим, кстати, что вряд ли можно так безоговорочно, как это делает переводчик (стр. 5), причислять к панегирикам подобного рода «Параллельные жизнеописания» Плутарха (вспомним хотя бы далеко не панегирические биографии Деметрия Полиоркета, Антония и некоторые др.).

нов переводчик не вполне последователен. Так, конюший назван в переводе шталмейстером (стр. 29, 33, 38), чухчарх (царский телохранитель) оставлен без перевода (стр. 33), вряд ли удачен здесь «премьер-министр» (стр. 33, 38) и т. д. Лучше, на наш взгляд, было бы или оставить такие термины без перевода или — идя на условный перевод — прибегать к возможно более однородным эквивалентам. Это позволило бы избежать такого рода, например, перечислений: вельможные бояре, чкондидели, премьер-министр, везир везиров, военный министр, протомандатор, министр финансов, министр двора, чурчач, шталмейстер (все — должностные лица при дворе Тамары, стр. 38). Вряд ли удачно называется Тамара патронессой (стр. 39, 57). Вызывают возражение такие написания, как Ермий (т. е. Гермес — стр. 35), падышах (стр. 21), сарацын (стр. 24). Встречается досадный разнобой: шарванша (стр. 45) — Шарванша (стр. 56, 57) — Ширваншах (стр. 99); Сослани (стр. 11, 93) — Сослан (стр. 80); азнаури (стр. 8) — азнаур (стр. 38).

Неудачным представляется стиль отдельных мест перевода. Вот несколько примеров: «Ногами быстротечными он воистину походил на превознесенного Даниила» (стр. 27), «посадил ее одесную себе» (стр. 30). «с выбритой головой и подавленным сердцем встретил он дочь свою» (стр. 31), «взяли от Тамары клятву (в невраждемости)» (стр. 37), «добрые и прекрасные вояки» (стр. 39), «Под Захариюю... убили коня, а у множества других вельмож ранили» (стр. 61), «собака... сильно закричала» (стр. 73). Отец Георгия III царь Димитрий назван Димитрий Давидович (стр. 18). Кажется, никто еще пока не называл царицу Тамару Тамарой Георгиевной.

Следующие за переводом примечания (стр. 93—110) предназначены «главным образом для лиц, не знакомых с грузинской историей и не владеющих грузинским языком» (стр. 14). В части, относящейся к грузинским реалиям, примечания действительно являются большим подспорьем для знакомящихся с «Историей». Некоторые места здесь (например, объяснение имени Артемиды «Мтафоло» — стр. 95—96) представляют и самостоятельный интерес. Досадное впечатление вызывают отдельные небрежности. Так, примечания 10 к гл. VII, 7 к гл. XVI, 2 к гл. XLVII по сути дела повторяют друг друга. В объяснении к слову «атабаг» (стр. 110) попросту цитируется приведенное в комментируемом месте объяснение самого автора «Истории», что делает это примечание совершенно излишним. Вряд ли можно назвать Джавахети (гл. XLIII) одним из кантонов Юго-Западной Грузии (стр. 109).

Более серьезные возражения вызывают некоторые примечания, выходящие за пределы грузинской тематики. Весьма проблематичной представляется прежде всего польза от примечаний типа: «Сократ и Платон — древнегреческие философы» (стр. 94) или «Зороастр, основатель огнепоклонства» (стр. 98), а такие примечания нередки. Нельзя пройти мимо отдельных неточностей и прямых ошибок в комментариях. В VI главе «Истории» упоминается басня «из индийской книги Калила и Димна». В действительности же «Калила и Димна» — книга арабская; это — перевод утраченного пехлевийского сборника, бывшего в своей очередь переделкой индийского сборника басен «Панчатантра». Это по меньшей мере неточное выражение историка следовало так или иначе отметить в комментарии и, во всяком случае, не ограничиваться ремаркой: «Всесветно известный сборник притч» (стр. 98). В той же VI главе перечисляются подряд Самсон, Далила, Соломон и Сибилла, охарактеризованные в примечании: «Все это — библейские персонажи» (стр. 98). Между тем ни греческая или римская Сибилла, ни Сибилла иудео-эллинистических и раннехристианских

апокрифов никак не является «библейским персонажем». Андроник Комнин (переводчик пишет «Комнен») был не «племянником по брату императора Мануила I Комнена», как ошибочно пишет автор «Истории» (гл. VIII) и повторяет комментатор (стр. 99), а его двоюродным братом.

В XIV главе упомянуты ваятели Пифодор и Критий. Здесь, возможно, как предполагает в конце соответствующего примечания сам К. С. Кекелидзе (стр. 102), имеются в виду «знаменитые греческие скульпторы V в. до н. э.» (Пифодор, кстати, если не иметь в виду более поздних мастеров, носивших то же имя, жил скорее не в V, а в VI в. до н. э.). Совершенно непонятно, почему автор пытается в том же примечании отождествить ваятеля Крития с известным софистом, тираном Критием, «которого Платон упоминает в диалоге «Критий» (Тимей)». Не говоря уже о том, что для такого отождествления нет абсолютно никаких оснований, отметим, что в этой связи следовало бы назвать два диалога Платона: «Тимей» и служащий его продолжением незаконченный «Критий»; ни один из этих диалогов, насколько нам известно, под именем другого в научной литературе не фигурировал.

В 3-м примечании к XXXVII главе упоминается «персидское эпико- (по-видимому, следует читать этико.— А. С.) политическое сочинение Кабус-Намэ, написанное в 1082 г.». Это не совсем точно. По свидетельству автора Кабус-Намэ, книга была *начата* в 475 г. хиджры (июнь 1082—май 1083)⁴.

Книга издана небрежно. Так, под рубрикой XLII помещены примечания к XLIII главе, а примечание к XLII главе вообще отсутствует. К слову «Табахмела» (местность, где скончалась Тамара, гл. LIII) дается сноска 2 (кстати, следует читать 3), но в соответствующем месте (стр. 110) такого примечания мы не найдем. Большую пользу принесли бы традиционные в подобных изданиях именной и терминологической указатели — их в книге нет.

Все это, как нам кажется, говорит о необходимости с большей требовательностью и вниманием относиться к публикации (в частности к комментированию) трудов такого рода. Упомянутые недостатки рецензируемой книги тем более досадны, что издание русских переводов грузинских, армянских и других источников по истории народов нашей страны, делающее эти источники доступными широким кругам специалистов, представляется в высшей степени полезным и важным, а публикация проф. К. С. Кекелидзе знакомит нас как раз с одним из таких источников.

А. Я. Сыркин

М. А. ЗАБОРОВ. КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Изд-во АН СССР. М., 1956, 278 стр.

Это первая в советской историографии книга, посвященная истории крестовых походов. Она вышла в научно-популярной серии Издательства Академии наук, однако первое же знакомство с этой работой заставляет прийти к выводу, что перед нами не компиляция, какой нередко являются подобного рода популярные издания, но результат самостоятельного исследования, итог многолетней работы автора над источниками.

⁴ Кабус-Намэ. Перевод, статья и комментарии чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельса. М., 1953, стр. 216.